

Я оставляю за спиной столицу, двигаясь по телетрапу, словно гладиатор-смертник на арену, где меня ждут ликующие римляне и голодный до человеческой крови лев. С каждым шагом образы становятся ярче, а движение вперёд – невыносимым. Неужели воины, вступающие в последнюю бой, испытывали схожие чувства? Возможно, их поход стимулировала стража?

Втыкая взгляд в грязный иллюминатор, я думаю о том, что толь-

ко в городе с населением более двенадцати миллионов понимаешь, как ты по-настоящему одинок. В деревне, где-нибудь на стыке цивилизаций, едва ли ты сможешь ощутить подобный приступ меланхолии.

Когда думаешь о *ней*, тебе почему-то становится стыдно... вспоминаешь, как читал её личные записи и ещё раз признаёшь, что в них, как ни странно... ты!

Книги, которые читаешь, список любимых песен. Ты хотел понять её душу, а вместо этого уколол свою.

Но в этих мыслях нет тебя, никого нет. Есть только тот мир, что показала тебе картонная бумажка, на которой написан рисунок ее жизни... твоей жизни... Ты украл фото, где она мирно спит на фоне большого панорамного окна, всегда показывающего одно и то же – московскую окраину. *Она* тебе понравилась, *она*, не окраина!

На фоне шуршащих ручной кладью и куртками людей я не могу оторвать взгляд от фотографии. Все события и все мои мысли получили пожизненный срок на этом кадре.

Я вдруг вскакиваю, как конченный псих (возможно, так и есть), отталкиваю какого-то хипстера и бегу по направлению к выходу. Пробираясь сквозь «римлян» с пакетами из «ИКЕИ», бросаю в сторону стюардессы полную чашку про невыключенный уют и не замечаю, как наступает следующий акт, в котором меня сопровождают в сторону выхода негативно настроенные сотрудники аэропорта.

А что дальше?

Да-да, ты не ослышался, это говорит тебе совесть! Та самая, что пыталась запретить тебе читать в школе «Героя нашего времени» в кратком изложении, пить в студенческие годы на морозе водку, опаздывать на работу, ссылаясь на пробки и проспавший будильник. История твоей жизни в кратком изложении – как, собственно, и заказывали.

Извиняясь перед своим главным моральным судьей, еду на другой конец города – в Нахабино, а в это время мой зелёный боинг чертит в небе петлю. Гаснут табло «пристегните ремни»; водитель такси слушает «Басту». Все эти картинки проносятся мимо какими-то дырявыми и ненастоящими фрагментами, аллюзией. И та история, что начинается сейчас с конца, может быть рассказана исключительно таким образом.

И вот уже «Яндекс. Такси» скрывается за поворотом, а я втискиваю свою нахлынувшую после пятилетней спячки нежность в подъезд. Минуя лифт, вбегаю по лестнице на пятый этаж, и безо всякого сомнения (совесть молчит, она в шоке, как и сам автор) нажимаю на кнопку звонка. За дверь слышатся неспешные тихие шаги, и через несколько секунд щёлкает дверной засов...

Ты начинаешь свой рассказ, и он похож на сотни других рассказов. Ты показываешь фотографию голубых гор на закате, и она похожа на сотни фотографий гор на закате.

Наташа уснула. Недавно я ей сказала, что в этом путешествии нам будут встречаться только хорошие люди. И если что-то пойдёт не так, они помогут.

Путь нам давался слишком легко, а вокруг все почему-то восхищались, «как две девочки решили пойти одни». По дороге попали на развилку и на «су-е-фа» (я так всегда говорю, но у «Википедии» другое мнение) свернули к пастушьим домикам, возле которых паслись кони.

Вечером пришли на место первой стоянки – в Инструкторскую щель. Наташа поставила палатку, я в сумерках сходила в гору за водой, мы поели и легли спать.

Бабахнуло. Пронеслось по горам и задрезбужало, закапало, зашелестело травой. Всю ночь в полузабытьи. Проснулась в темноте. Чёрный жук цепкими лапками царапал по спальнику.

А-а-а! – ору.

Наташа, а ты слышишь звук колокольчика?

Может, это Жеребчик пришёл?

Наташа, а звук волн слышишь?

Нас затопило?

Может, ливнем снесло прямо в Чёрное море?

На стеклянном столике лежат силуэты красивых дам, аккуратно вырезанных из каких-то журналов. Их имена неизвестны, их личности не установлены.

Силою своего воображения вижу, как хрупкая девушка отделяет эти фигурки от гляцевых страниц. Они покидают свой дом навсегда, их об этом никто не спрашивает, они просто остаются жить закладками в книгах, а московское серое небо кидает на них свои тени через единственное панорамное окно двадцать первой квартиры.

Риелтор, знающая меня по прошлым контактам как человека разумного и до мозга костей порядочного (ха-ха, это мои голубые глаза!), за неимением других свободных квартир предложила бюджетный вариант. В суть ситуации я не вник, главное, чтобы чек для бухгалтерии был, а остальное – ненужная лирика. Усиленно кивая и думая о тёплой ванне, я запомнил только то, что хозяйка уехала на пару дней в Иркутск, словно нет больше городов, куда можно отправиться – только мой. В подсозна-

нии слышалось – «землячка».

Мне до всего этого панибратства решительно нет никакого дела. За такую цену в Москве можно снять только капсулу в прокуренном наркоманами хостеле. А тут милая уютная квартира, пусть и не в центре, зато тихо, можно сосредоточиться на подготовке к переговорам. Скучная работа платит приличное жалование, командировки служат отдушиной. Радость от одиночества иногда хочется разбавить сменой обстановки и стаканчиком виски. Но эту аксиому я понял не сразу...

Первый год после развода ты пытаешься вернуться в семейную жизнь, цепляешься за первую попавшуюся неисправимую истеричку и спустя несколько месяцев от всей души шлёшь её подальше. Второй год спишь со всеми подряд, изображая тщательный кастинг. Третий – самый сложный, невозвратный. Ты не нуждаешься больше ни в ком. Одиночество, наконец-то, становится счастьем...

Старина Бегбедер прав на все сто – любовь действительно жива три года.

Тёплый весенний вечер обещает быть недолгим: сказывается усталость после перелёта. Контрастный душ придаёт сил, и я утопаю в дневнике.

* * *

Как много времени уже прошло. Перечитываю свои старые тексты. Очень они чудные, горячие, наивные. Я ли такое написала? Да ну что вы! Точно не я. Слишком хорошо подмечено – я бы до такого не додумалась.

В какой момент всё пошло наперекосяк? Где произошёл слом? Когда я перестала чувствовать, что моя работа важна? Почему на смену играм и приключениям пришла ежедневная торговля информацией? Когда текст превратился в продукт? А я что – торговка информационным фастфудом?

Это мои сложные профессиональные вопросы.

Я уговариваю себя, что вообще-то за эти годы научилась приемлемо складывать слова в предложения, чувствовать темы, понимать, анализировать. Я вроде бы не вру, не торгую своими ценностями, не манипулирую.

Просто кризис затянулся. Я нагрнула им друзей и немножко коллег. Рассказала всем, что ничего не умею, кроме слов и смыслов (хотя и тут сомневаюсь). Что не могу это использовать в рекламе – получается вонючая жижа. Что мне всё-таки нужно зарабатывать. Что я придумала, а потом не сделала. Что хочу написать о том, как живёт мой

дядя. *Что хочется, чтобы не зря.*

С этими ощущениями начинаю каждый свой рабочий день. И поэтому меня тошнит.

* * *

Меня разбудил яркий солнечный свет, приглушённый бледно-розовыми шторами. Бессознательно оглядываюсь по комнате: всё тот же журнальный столик, белые шкафы с книгами, кисточками, ароматическими свечками, небольшими подарочными коробочками. Нахожу серо-чёрный фотоаппарат, в памяти которого нет ни одного кадра. Пустота.

Маленький мишка, словно из советского детства, смотрит на меня со шкафчика пуговичными глазами. Ностальгические чувства переплетаются во мне каскадом эмоций и не дают сосредоточиться на предстоящем через несколько часов деле. Ощущение, что я проснулся в другом мире, и какой-то спокойный голос прошептал мне: «доброе утро».

Засушенные ромашки (нахожу это... очень милым), фонарик, чтобы не заблудиться в темноте, рисунок рыжего кота, словно из моего прошлого. Хаотично разбросанные вещи смотрятся как элемент искусства. Тут нет беспорядка – всё на своих местах. Даже мои синие кеды!

Видя, с каким трепетом и любовью расставлена мебель, думаю – хозяйка не знает, что я вторгся на сутки в её внутренний маленький мир. Уверен, она бы этого не позволила, по крайней мере, спрятала личные вещи.

Если она сейчас войдёт? Она появится и выставит меня вон. Она будет права. Лишь бы не напугать её...

Склонность просчитывать заранее все события иногда делает только хуже. Конечно же, этого не случится, и я её никогда не увижу.

А должен? Или хочу?

Почему в этой квартире такой же светло-серый пол, как и в моей? Почему белый подоконник и маленький балкончик, куда едва ли влезут четыре автомобильных шины, круглые сутки залиты воображаемым светом?

Почему я спал как младенец, хотя на новом месте всегда мучаюсь от бессонницы?

Сам не понимая, что творю, звоню риелтору:

– Мне нужно у вас спросить – хозяйка знает, что вы пустили к ней гостя?

– Что за чушь? Конечно, она в курсе!

– Тогда ответьте. Вы бы оставили личный дневник на самом видном месте, если бы знали, что в квартиру придёт незнакомец?

- Слушай, от меня что надо? У тебя ипотека есть?
– Да!
– Вот и у неё есть, всего хорошего...

* * *

Холодно, липко и темно, если смотреть в окно поезда. В нём отражение меня, отражение мужчины напротив, отражение отражения мужчины напротив. Ветер и капли о платформу. Белые кроссовки. Синие кеды. Искажённые черты меня, тебя. И нас там. Голубые глаза.

Мне кажется, что я уже давно еду холодная в этой вечерней электричке.

Каланчевская, Рижская, Дмитровская.

Вытягиваю образы из темноты, но они не складываются.

Гражданская, Красный Балтиец, Стрешнево.

Не складываются, понимаете?

Покровское-Стрешнево, Тушинская...Тушинская!

Тушеная картошка со сладким чаем.

Трикотажная, Волоколамская, Пенягино.

Какая картошка, Катя?

Павшино, Красногорская, Опалиха.

Смысла нет, машинист! Притормози!

Потом Аникеевка и Нахабино. Конечная.

Покусываю губы. Их тут же обдувает ветер. Вдруг понимаю, что плачу и улыбаюсь.

* * *

Словосочетание «бессонный сон» спустя столько лет, наконец-то, становится понятным. Образ Кати сформирован, и я отчётливо вижу её карие глаза, вижу, как она мило улыбается, глядя из окна на детскую площадку, сосредоточенно ловит объективом камеры понравившийся кадр, с грустью смотрит в телефон, что-то пьёт из большого прозрачного стакана, спит, накрывшись клетчатым пледом.

Мне пора, но меня не отпускает дневник...

Светло-голубые стены перестали казаться чужими за эти несколько странных часов. Коричневый мишка сверлит меня взглядом, словно просит остаться ещё ненадолго с ним, рядом с маленькой гитарой (я «загуглил», это укулеле), с дневником и светом...

Наливаю себе кофе и читаю про то, как Катю бросил какой-то таксист на шоссе. Представляя, как я бью ему прямой в нос, надеваю пиджак и смотрюсь в зеркало, вмонтированное во входную дверь. Отступаю не-

много в сторону и задеваю ногой не прикрученный напольный порожек. Беру его в руки, прислоняюсь спиной к стене и сползаю на пол, не даю выход нахлынувшим эмоциям. Почти сдержался. Просто смотрю на то место, где он должен быть, и понимаю, что Катя купила совсем не тот. Ноги подкашиваются вновь и вновь, и я уже не соображаю, что реально тут, а что нет.

В телефоне пиликнуло приложение «Яндекса». Такси подъехало... Ещё несколько минут.

Ментальная связь иногда сильнее отношений и бытовых смыслов. Границы между любыми чувствами условны. Я собираюсь выйти, но в последний момент замираю.

Воистину, мы потерялись во времени...

Я не могу прийти в себя, вспомнить который сейчас час, какой год. Зато чётко представляю, как Катя сидит на белом овальном стуле и что-то пишет в дневник. Потом берёт укулеле и играет. Музыка раздаётся пронзительным и звонким эхом по всей квартире, она достаёт до моего сердца, и нет в этой мелодии изъяна. Она совершенна! Я умираю и снова возрождаюсь, я беру в руки фотоаппарат и делаю селфи для неё. Хочу посмотреть фото и не нахожу его в памяти. Ещё один кадр – нет результата, она меня не увидит. И вдруг, всё повторяется: колыбель времени взвинчивается, и я вновь знакомлюсь с Катей. Беру в руки дневник и читаю: Нахабино...дождь...горы на закате.... В окне вагона поезда вижу отражение хрупкой, но стойкой и смелой девушки. В её карих глазах всё тот же яркий свет, и я уже не в силах ни оторваться, ни пошевелиться...

* * *

Я иду в метель к станции Тушинской.

Вокруг чёрные силуэты.

И я для них чёрный силуэт.

Три года в Москве, а всё чужая.

Еду до Третьяковской и оттуда плетусь, куда глаза глядят.

Когда выхожу на Большой Москворецкий мост, смотрю на Москву-реку.

Летом в её inferнальных, не пропускающих свет водах хочется утонуться. А зимой?

Зимой эта река так похожа на многих, кто сюда приехал.

Напролом. На излом.

Фотографирую окрестности Кремля и, кажется, будто пишу по исписанному.

Каждый последний хочет быть оригинальнее предыдущего. Но я

не хочу. Не хочу.

Я хочу, как один мальчик в метро, закрыть уши. Чтобы не слышать этот грохот.

А потом убрать ладони от ушей. И опять услышать.

Но это будет уже не грохот, а голос города. Чистая, свободная речь.

Когда я гуляю по центру Москвы, то чувствую себя или туристом, или актёром массовки среди декораций. При этом верю, что возможен иной диалог. Но для него нужно время.

Мои мысли... мои сны... моё богатое воображение – мой главный враг.

Я только что сыграла роль, и, кажется, почти не сфальшивила. Меня никто не ждёт.

Был страх, стало тепло.

Мне хорошо в этом дождливом мире пробок и метро.

Я свободна и независима.

Но я верю, что где-то там, в другом измерении, ты сейчас читаешь мой дневник...